

Сергей Кибальник
(Санкт-Петербург)

**С. Л. ФРАНК
И ЕГО СТАТЬЯ «ПУШКИН
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»**

Работы о литературе русских религиозных философов XX века до сих пор не оценены по достоинству. Они находятся как бы в тени славы обширного наследия М. М. Бахтина, который сам многим был обязан религиозно-философской критике XX века, но в большей степени по сравнению с ее представителями сосредоточился на специфических проблемах эстетики и поэтики. Между тем русская религиозно-философская критика до сих пор остается ничем не заменимым источником, коль скоро речь заходит не о чистом литературоведении, а о «познании литературы», как его понимал С. Л. Франк в статье «О задачах познания Пушкина» [4, с. 60]. Трудно спорить с тем, что наиболее глубокие работы о русской литературной классике XIX века были написаны именно в 1920–1950-е годы, причем значительная часть из них — в эмиграции. Эта высокая оценка в полной мере относится и к статьям С. Л. Франка о Пушкине, Тютчеве, Льве Толстом, Достоевском, Гёте, Ф. Шлейермахере, Рильке, и к его менее известным работам о Гоголе, Эртеле, Бунине, Мережковском, Ф. Сологубе, Вяч. Иванове, Блоке, Горьком [7]. Особенно замечательны «Этюды о Пушкине», которые философ еще в 1930-е годы задумал как отдельную книгу, так, к сожалению, в полном объеме и не написанную [11, с. 50; 7], и которые даже в эмиграции выдержали целых три из-

дания [2–4], а в СССР с началом перестройки недаром были целиком включены в антологию «Пушкин в русской философской критике» [9].

Статья Франка «Пушкин как политический мыслитель» (1937) [1] далеко не в последнюю очередь представляет собой, конечно же, попытку противопоставить сложившемуся и достигшему в то время апогея сталинскому мифу о поэте-декабристе действительную сложную картину «политического мировоззрения» Пушкина [4, с. 29]. Поэт оказался для философа историческим подтверждением одной из основных политических идей Франка о том, что в реальной жизни четкое разделение на «правое» и «левое», на консерватизм и либерализм встречается не всегда и что нередко более правомерным оказывается соединение этих двух начал [6].

Пушкин, с точки зрения Франка, именно «в качестве ума конкретно-реалистического никогда не мог быть связан партийно-политическими догмами» [4, с. 46]. Принципиально важно здесь это подчеркивание философом «конкретно-реалистической» природы ума Пушкина. Оно соответствует общему представлению Франка о «предметном» характере литературы вообще и художественного мышления Пушкина в частности [Там же, с. 29; 11, с. 24–29; 12, с. 23–24] и связано с феноменологическими началами в мировоззрении философа, а именно с его представлением об «абсолютно безусловном самооткрывающемся бытии», которое «существует и не вне нас и не в нас — или, более того, — одновременно и там, и там, потому что мы *существуем в нем*» [5, с. 67–68; см. подробнее: 13, с. 80].

Итак, с точки зрения Франка, «политическое мировоззрение Пушкина есть консерватизм, сочетающийся однако с напряженным требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, — т. е. в этом смысле проникнутый либеральными началами» [4, с. 47]. При этом органическая связь между двумя этими противоположными принципами осуществляется «через идею, что свобода духовной жизни и культуры обеспечивается именно блюдением культурной преемственности общественных слоев, которые являются ее носителями. Требование уважения к родовому дворянству имеет в этой связи не только консервативный, но и либеральный смысл» [Там же, с. 52].

Консерватизм Пушкина Франк называет «истинным консерватизмом, основанным на преемственности культуры и духовной независимости личности и общества» и направленным «против опасности цезаристски-демократического деспотизма» [Там же, с. 56]. Традиционное понимание консерватизма и либерализма как оппозиции двух «комплексов признаков: "монархия — сословное государство — деспотизм" и "демократия — равенство — свобода", которые противостояли

друг другу как "правое" и «левое» мирозерцания» Пушкин, по мнению Франка, «заменяет совсем иной группировкой признаков. "Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм" выступают у него, как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу "демократия — радикализм" ("якобинство") — "цезаристский деспотизм"». Эту непростую схему сам философ поясняет простой формулой: «Где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм» [4, с. 56 — 57].

Тонкое соображение Франка, с одной стороны, снимает с Пушкина как убежденного противника «новой знати» и сторонника родового дворянства распространенные обвинения в «аристократизме», а с другой — объясняет его резкое неприятие демократии, прежде всего, разумеется, американского образца (статья «Джон Теннер», 1836; стихотворение «Из Пиндемонти», 1836).

Любопытно, что Франк развивает взгляд на Пушкина, заявленный еще П. А. Вяземским [10]. На это обратил внимание П. Б. Струве в приложении к первому изданию статьи философа, изданной отдельной брошюрой [1]. Однако при этом у самого Струве в его предисловии к брошюре Франка все время происходит перекокс в сторону Пушкина-консерватора, Пушкина-монархиста, которого счастливо избежал сам Франк: «Но Пушкин так же непосредственно ощущал, любил и ценил начало власти и его национально-русское воплощение...»; «Николай I к доступному ему духовному миру поэта и к его душевным переживаниям относился со своей точки зрения — *внимательно и даже любовно*»; «Строй политических идей даже зрелого Пушкина был во многом похож на политическое мировоззрение Николая I, но тем значительнее выступает непререкаемая личная связь между ними...» [2, с. 6 — 7].

Все эти декларации выглядят, безусловно, надуманными на фоне последнего периода жизни и творчества Пушкина, который, к сожалению, не совсем верно освещает и Франк. Он почему-то считает его «отчетливо консервативным», что верно применительно к 1830 — 1833 годам, но не к 1834 — 1836-м. Основной пафос стихотворения «Из Пиндемонти» (1836) Франк обтекаемо называет «как бы дуализмом принципов государственной власти и духовной независимости». Справедливо сопоставляя это стихотворение с известными словами в письме к жене: «Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности (*iviolabilité de famille*) невозможно. Каторга не в пример лучше» [4, с. 122], он, однако, несколько мягкотело истолковывает его: «Пушкин не требует права на активное участие в политической жизни и не дорожит им; он требует лишь духовной независимости личности, простора и нестесненности духовной жизни и творчества» [Там же, с. 51].

Однако Пушкин вообще ничего в этом стихотворении не требует: он утверждает в качестве своих главных ценностей именно личную свободу и внутреннюю независимость, по сравнению с которыми любые формы государственного и общественного устройства представляются ему второстепенными и даже, может быть, и не имеющими особого значения. В особенности в контексте вышеприведенного сопоставления видно, что это, несомненно, проявление глубочайшего разочарования Пушкина в русской власти и общественном устройстве, которое ясно выразилось и в известном письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Разочарование это не в последнюю очередь касалось не только слабости общественного мнения, но и монархии и лично Николая I. Все скрытые намеки (тема «милосердия») и прямые призывы Пушкина помиловать декабристов хотя бы спустя десятилетие после того, как они понесли наказание, так и не были услышаны. Между тем личное поведение царя давало больше оснований для появления в творчестве Пушкина образов сладострастного клятвопреступника Дадона и «сурового» лицемера Анджело, чем для ассоциаций с Петром Великим.

Значительная часть творчества Пушкина последних лет жизни имеет, в сущности, криптографический характер. В нем скрыто выражена не только драма утраты им политических и общественных иллюзий, но и трагедия вторжения государства в сферу его собственной семейной жизни. А в довершение ко всему это государство не сделало ничего, чтобы предотвратить гибель первого поэта России в собственной столице от руки иностранца, который, как стало известно из его сравнительно недавно опубликованных писем [15], был агентом спецслужб и, следовательно, «фигурой в высшей степени зависимой, подконтрольной и абсолютно управляемой. ...достаточно было шевельнуть пальцем, чтобы его унять» [16, с. 198 – 199].

Справедливости ради следует отметить, что в 1937 году, когда в Советской России пытались целиком и без остатка вписать Пушкина в историю русского освободительного движения, трудно было вовсе избежать этого перекоса. Показательно, что автор опубликованной в том же году, что и брошюра Франка, известной статьи «Певец империи и свободы» Г. П. Федотов также проходит мимо разочарования Пушкина в последние годы его жизни не только в империи, но и в эгалитаристских идеалах вообще [17; 9, с. 356 – 375].

В контексте современной политической жизни статья Франка, как и творчество Пушкина в целом, разумеется, может быть использована для обоснования самых разных политических доктрин и тенденций. В последние годы это делается в основном для того, чтобы подчерк-

нуть в Пушкине консервативное и даже монархическое начало. Однако само творчество поэта в его полном объеме решительно этому противится (см. об этом: [16; 18]). И вдобавок, как всякое настоящее искусство, оно амбивалентно и не столько может быть сведено к какой-либо одной политической доктрине или тенденции (даже такой неоднозначной, как «консервативный либерализм»), сколько само вскрывает односторонность и недостаточность тех или иных рационалистически обоснованных доктрин.

Список литературы

1. Франк С. Пушкин как политический мыслитель. С предисловием и дополнениями П. Б. Струве. Белград, 1937.
2. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.
3. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Лондон, 1978.
4. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.
5. Франк С. Л. Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб., 1996.
6. Франк С. Л. По ту сторону правого и левого : сб. ст. / под ред. В. С. Франка. Париж, 1972 (Впервые: Числа. Париж, 1931. Кн. 4.).
7. Frank S. Bibliographie des oeuvres. P., 1980.
8. С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
9. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990.
10. Вяземский П. А. «Цыганы». Поэма Пушкина // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. М., 1878. Т. 1. С. 321–325.
11. Гапоненков А. А. А. П. Скафтымов и С. Л. Франк // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Саратов, 2010. С. 40–54.
12. Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1998.
13. Кибальник С. А. Художественная феноменология Чехова // Образ Чехова и чеховской России в современном мире : сб. ст. СПб., 2010. С. 18–28.
14. Невлева И. М. Философия культуры С. Л. Франка. СПб., 2007.
15. Витале С., Старк В. П. Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.
16. Гуревич А. М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М., 2011.
17. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 243–268 (Впервые: Современные записки. 1937. Т. 63. Апрель).
18. Кибальник С. А. Почему Гоголь «открыл тайну» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...»? // Восьмые Гоголевские чтения. М., 2009. С. 120–135.

**РУССКИЕ
В ЕВРОПЕ:
ПУТЕШЕСТВИЯ**

Многие русские путешественники, глядя на мелькавшие за окном вагона картины ухоженных городов и сел, налаженного быта, здоровых и довольных жизнью обывателей, разумно устроенной жизни, как заметил М. Е. Салтыков-Щедрин, не могли не испытывать чувство «какой-то непобедимой неловкости». И хотя великий сатирик оговаривался, что не считает «пруссские порядки совершенными и прусского человека счастливейшим из смертных», все-таки признавался, что если удел русского — неволя и бесправие, то немца — свобода и достоинство...

Ю. Костяшов